

П. И. Гайденко

**Размышления о церковной юрисдикции
в домонгольской Руси.
Отзыв на статью И. А. Шершневой-Цитульской
(«Христианское чтение» № 3 за 2022 г.)**

УДК 659.131.84 +271.2-9:348.58
DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_199
EDN TETFKC

Аннотация: Статья представляет собой отклик на работу И. А. Шершневой-Цитульской «К вопросу о церковной юрисдикции над русскими князьями в контексте русско-византийских отношений (XI – середина XV вв.)» и продолжает цикл публикаций, посвященных проблематике церковной юрисдикции в домонгольской Руси, разрабатываемой в рамках деятельности секции «Церковное право Древней Руси» Барсовского общества Санкт-Петербургской духовной академии. Показано, что хотя указанная проблематика и опирается на широкий пласт историографии, однако не так часто становится предметом научной полемики. Именно поэтому исследование И. А. Шершневой-Цитульской представляет интерес и заслуживает обсуждения, тем более что в нем предпринята серьезная попытка рассмотреть архиерейскую юрисдикцию над русскими князьями. Делаются выводы, что 1) при прикосновении к проблеме церковной юрисдикции в Древней Руси приходится учитывать не только сообщения каноническо-правовых источников, но и историко-культурный и политический контекст эпохи, 2) объем и границы церковной юрисдикции постоянно претерпевали изменения, были обусловлены не только политическими обстоятельствами времени, канонической ситуацией на Руси, но и «региональными» влияниями.

Ключевые слова: церковное право, каноническое право, история Русской Церкви, Древняя Русь, церковная юрисдикция, древнерусский епископат, церковно-государственные отношения в Древней Руси.

Об авторе: Павел Иванович Гайденко

Доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета, председатель редакционной коллегии журнала «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях», действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Для цитирования: Гайденко П. И. Размышления о церковной юрисдикции в домонгольской Руси. Отзыв на статью И. А. Шершневой-Цитульской («Христианское чтение» № 3 за 2022 г.) // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 199–211.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2022

Pavel I. Gaidenko

Reflections on Church Jurisdiction
in Pre-Mongol Rus.
A Response to the article by I. A. Shershneva-Tsitulskaya
(*Christian Reading* No. 3 for 2022)

UDK 659.131.84 +271.2-9:348.58
DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_199
EDN TETFKC

Abstract: The article is a response to the work of I. A. Shershneva-Tsitulskaya “On the Question of Church Jurisdiction over Russian Princes in the Context of Russian-Byzantine Relations in the 11th – middle of the 15th Centuries” and continues the cycle of publications devoted to the problems of church jurisdiction in pre-Mongol Rus, developed within the framework of the activities of the section “Ecclesiastical Law of Medieval Rus” of the Barsov Society of St. Petersburg Theological Academy. It is shown that although these issues are based on a wide layer of historiography, they do not often become the subject of scientific controversy. That is why the study of I. A. Shershneva-Tsitulskaya is of interest and deserves discussion, especially since it made a serious attempt to consider the hierarchical jurisdiction over the Russian princes. It is concluded that 1) when touching on the problem of ecclesiastical jurisdiction in Medieval Rus, one has to take into account not only the messages of canonical legal sources, but also the historical, cultural and political context of the era, 2) the scope and boundaries of ecclesiastical jurisdiction were constantly changing, and were determined not only by political circumstances of the time and the canonical situation in Russia, but also by “regional” influences.

Keywords: ecclesiastical law, canon law, history of the Russian Church, Medieval Rus, ecclesiastical jurisdiction, Medieval Russian episcopate, church-state relations in Medieval Rus.

About the author: Pavel Ivanovich Gaidenko

Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow State Linguistic University; Chairman of the Editorial Board of the Journal “Palaeorosia”; full member of the T. V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

For citation: Gaydenko P. I. Reflections on Church Jurisdiction in Pre-Mongol Rus. A Response to the article by I. A. Shershneva-Tsitulskaya (*Christian Reading* No. 3 for 2022). *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 4, pp. 199–211.

Вопросы церковной юрисдикции в домонгольской Руси уже давно привлекают внимание исследователей. Как правило, эта проблема разрешается при опоре на древнейшие княжеские уставы Церкви, а также небольшой круг церковно-правовых памятников эпохи, однако, невзирая на сравнительно небольшой пласт источников, в большей или меньше мере эта сторона церковной жизни нашла отражение в значительном корпусе работ. В последние годы данному аспекту церковного права были посвящены по крайней мере четыре монографии, в основу двух из которых были положены диссертационные исследования [Георгиевский, 2007; Гаращенко, 2006; Гаращенко, 2007; Гаранова, 2004; Гаранова, 2007], специальные главы нескольких монографических работ, в том числе учебников церковного права [Павлов, 2002, 279–303; Смыкалин, 2017, 31–33], и целый корпус статей. Однако исследования последних лет (к ним можно отнести и переиздания дореволюционных работ) все больше убеждают в необходимости если не пересмотра, то по меньшей мере существенного уточнения бытующих и укоренившихся в научной и преподавательской среде представлений об источниках и границах церковной юрисдикции. В отмеченном плане показательной и заслуживающей внимания видится опубликованная в третьем номере «Христианского чтения» за 2022 г. статья Ирины Александровны Шершневой-Цитульской.

Сформулированная исследовательницей проблема церковной юрисдикции над русскими князьями крайне интересна и в предложенной, не лишенной авторской смелости формулировке, и в открывающихся перспективах дальнейших изысканий, какие выявляются при рассмотрении феномена церковной юрисдикции. Кажется, столь категорично проблема отношений Церкви и княжеской власти на Руси еще не артикулировалась в современной историографии. При этом в некотором смысле она не лишена не только храбрости, но и парадоксальности, поскольку применительно по крайней мере к домонгольскому периоду и даже ко времени господства Золотой Орды чаще принято говорить о доминировании прав «светских» правителей над Церковью, а не наоборот. Впрочем, предложенные И. А. Шершневой-Цитульской доводы в пользу ее видения различных сторон церковной юрисдикции в отношении представителей княжеского рода как будто бы способны продемонстрировать некоторую обоснованность авторских выводов.

Отдавая должное данной работе, приходится признать, что интерпретация И. А. Шершневой-Цитульской приводимых ею летописных сведений, на которые она, собственно, и опирается, по меньшей мере дискуссионна. Поэтому более целесообразным видится обращение к авторской концепции как таковой, которая, как представляется, лучше всего изложена в следующем абзаце:

«В силу канонических правил сначала древнерусские князья, а затем великие московские князья ставились под юрисдикцию митрополита Русской Православной Церкви, назначавшегося константинопольским патриархом в совете с византийским императором. Митрополит имел право осуществления правосудия над местным монархом как над любым мирянином, причем пользовался он нормами византийского права, а не русского» [Шершнева-Цитульская, 2022, 189].

Приведенный отрывок красноречив, поскольку приводит к необходимости высказаться о трех ключевых проблемах: 1) об источниках, границах и процессе формирования церковной юрисдикции; 2) о положении князей и членов их семей в Церкви; и 3) о «правах» митрополита и епископата в отношении князя. При этом целесообразным видится рассмотреть высказанное положение, ограничиваясь периодом XI – начала XIV вв., т.е. временем, когда не только номинально, но и фактически Киев оставался центром митрополии. Особенности этого этапа в истории Русской Церкви являются следующие.

1) Категория юрисдикции сложна и предполагает существование различных ее видов. В изначальном смысле юрисдикция (*jurisdictio*) – это прежде всего подсудность, которая находит свое отражение, во-первых, в правомочности разрешать правовые споры, во-вторых, в территориальной подведомственности и, в-третьих, отправлении самого правосудия. Впрочем, юрисдикция предполагает и наличие предусмотренного

законом или правовым актом правомочия, а также ясно оговоренную область отношений, на которые юрисдикция распространяется. При этом решения, выходящие за пределы юрисдикции, считаются незаконными [Большая советская энциклопедия, 1978, 414; Большой Юридический словарь, 2000, 696; Кашепов, 2017, 340]. Все перечисленное в полной мере можно перенести и в область церковного права, ядром которого выступают нормы права канонического. Впрочем, в церковной традиции церковная юрисдикция воспринимается шире и фундаментальней.

В «церковной юрисдикции» историками церковного права усматривается прежде всего власть управления. Именно так ее понимал А. С. Павлов [Павлов, 2002, 279]. Аналогичный подход присутствует в работах Н. С. Суворова и Е. Е. Голубинского, которые, правда, не употребляли термин «юрисдикция». Вместо него они использовали иную формулировку — «круг ведомства церковного суда» или «объем суда церковного» [Суворов, 2004, 242–293; Голубинский, 1997, 394–422]. Наконец, аналогичный взгляд на проблему юрисдикции присутствует и в современном взгляде на каноническое право в работе прот. Владислава Цыпина [Цыпин, 2012, 626–629], чьи подходы к разрешению вопросов церковного права во многом предопределили векторы современных канонических и административных реформ в Русской Православной Церкви, а также в учебном пособии екатеринбургского ученого А. С. Смыкалина, исходящего из того, что церковный суд тесно связан с церковным управлением и надзором [Смыкалин, 2017, 196–213]. Что же касается историков, то их акценты выстроены иначе. Кажется, лучше всего они представлены в работах Я. Н. Шапова, который рассматривал церковную юрисдикцию в контексте социально-политической роли Церкви и материального обеспечения кафедр [Шапов, 1989, 97–123].

Таким образом, церковная юрисдикция — это больше чем подсудность. Это реализация Церковью своего места в общественных институтах и своей власти, причем не только в судебной, но и в иных плоскостях, прежде всего области управления, надзора и материального обеспечения кафедр. Наверное, поэтому акцент церковного правосудия на Руси, а затем и в России — как, наверное, к сожалению, и сейчас — во многом делался и делается не на установлении истины или правды, и даже не на соблюдении справедливости или совершении возмездия, а на ином: на реализации церковной власти в целях обеспечения высокого места кафедр в системе общественных и властных институтов, а также управления, поддержания внутреннего канонического строя в рамках установившихся национальных и региональных традиций.

Если принять точку зрения историков церковного права, то становится понятным отношение древнерусского книжника к церковным судам (митрополищему и епископскому) как проявлению несправедливости. Именно такими виделись летописцам и агиографам суд митр. Константинина над игум. Поликарпом Печерским [Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 354] или же архиерейские суды над прп. Авраамием Смоленским [Житие Авраамия Смоленского, 1997, 42–57] и жителями Ростова¹. Даже, казалось бы, справедливая судебная расправа над обидчиком ростовцев еп. Феодором также не виделась ее участникам образцом правосудия. Иначе как объяснить исчезновение из раннего русского летописания имен участников церковного Собора — епископов, которым надлежало вынести вердикт, и князя, без воли которого невозможно было привести приговор над низвергнутым Феодором в исполнение²?

¹ «Много бо пострадаша члѣвци ѿ него. въ держаньи его. и сель изнебѣвши и ѿружьѧ. и конь. друзии же и роботы добыша. заточеньѧ же и грабленьѧ. не токмо простѣемъ но и мнихом. игуменом и ерѣмь. безъмѣствъ сѣи мучитель. другимъ члѣкомъ головы порѣзваѧ и бороды. иным же ѿчи выжигаѧ. и азыкъ оурѣзаѧ. а инымъ распинаѧ по стѣнѣ. и муча немлѣствѣ. хотя исхитити ѿ всѣхъ имѣньѧ. имѣньѧ бо бѣ не съитъ акы адъ .» [Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 355–356].

² Примечательно, что древнерусский летописец всю ответственность за суд над Феодором возложил на митрополита, старательно умолчав о князе или иных епископах, без чьих одобрений решение в принципе не могло быть принято: «посла же его Андрѣи митрополиту в Кыевъ. митрополить же Костантинъ повелѣ ѣму азыкъ оурѣзати. ако злодѣю и еретику.

Однако кто являлся источником судебных прав Церкви? Кто легитимизировал церковные суды своим присутствием? Кто позволял епископу совершить судебную расправу? Конечно же, князь. Юрисдикция митрополитов и епископов в XI — первой трети XIII вв. определялась княжескими уставами, дарованными митрополиту и епископам. Именно эти акты в первые полтора столетия христианской жизни на Руси после событий Крещения определяли права архиереев. Благодаря своей специфической форме упоминаемые уставы одновременно выполняли функции не только первых сводов церковно-правовых норм, но и первых иммунитетных пожалований. В итоге церковная юрисдикция одновременно становилась важным инструментом решения материальных запросов кафедр и включения епископата в круг властных элит. Благодаря воле князей эти уставы фактически сразу стали неотъемлемой органической частью формировавшегося каноническо-правового пространства Руси. На это, например, указывает отмеченная Я. Н. Шаповым содержательная близость Устава Ярослава с Пространной Правдой, а также с внешнеторговыми договорами Руси [Шапов, 1972, 292]. Собственно, и сами использованные в уставах формы — «дал есми» — убедительно демонстрируют, кто и что являлось источником прав в русских землях: личность и воля князя³. Судя по всему, без воли князя митрополит и епископы не могли совершать «казнь» даже над подчиненным им духовенством.

Житие прп. Авраамия Смоленского вполне ясно указывает, что преподобный был спасен от жестокой расправы отказом местного князя одобрить решение церковного суда⁴. Даже суд над Феодорцом, епископом Ростова, смог состояться только потому, что епископ был отправлен в Киев его покровителем, князем Андреем Юрьевичем⁵. Даже если допустить, что автор летописной записи лукавил и князь не выдавал Феодора на суд, а лишь сопровождал путешествие своего архиерея в Киев некой охранной грамотой, которая была нарушена митрополитом и киевлянами, включая

и руку правую оутати. и ѿчи ему вынати. зане хулу измолви на стѹю Бѣю» [Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 355]. Однако в любом случае церковные суды в домонгольской Руси в большинстве случаев рассматривались как несправедливые [Гайденок, 2022, 148–161].

³ Такая формулировка присутствует в Уставе Владимира:

«[1] Въ имя о(т)ца и с(ы)на и с(вя)таго духа.

[2] Се яз, кн(я)зь великии Василии, наричаемый Володимер, с(ы)н С(вя)тославль, оунукъ Игорев, блаженны Ольгы, оусприязь есмь кр(е)щ(е)ние с(вя)тое от греческих ц(а)реи Костянтина и Василья и Фотeya патриарха, оузяхъ перваго митрополита Михаила на Киевъ и на всю Роусь, иже кр(е)сти всю землю Рускую.

[3] И по том, летом минувшим, създах ц(е)рк(о)вь с(вя)тую Б(огороди)цу, и дах десятиною к ней въ всеи земли Руской княженья от всего соуда 10-ты грошь, ис торгоу 10-тоую недилу, из домов на всякое лето 10-е всякаго стада и всякаго живота чюдной м(а)т(е)ри б(о)жии и чюдному Сп(а)соу.

[4] И потом возрех въ греческии номоканонъ и обретохъ в немъ, юже не подобаетъ сихъ тяжъ и соудов соудити кн(я)зю, ни бояром, ни соудьям его.

[5] И стадав азъ съ своею княгиною Анною и съ своими детми, дал есмь с(вя)тои Б(огороди)ци и митрополитоу и всемъ епископомъ <...>» [Устав князя Владимира, 1976, 14–15].

Подобным образом отражена воля князя и в Уставе Ярослава:

[1] «Се азъ, кн(я)зь великии Ярослав, с(ы)н Володымеров, по данию о(т)ца своего съгадал есмь с митрополитом киенвским и всея Руси Иларионом, сложихом греческии номоканон; еж(е) не подобаетъ сихъ сихъ тяжъ судити кн(я)зю, ни бояром его, ни соудьямъ его, дал есмь митрополиту и еп(и)с(ко)пом: <... >» [Устав князя Ярослава, 1976, 86].

⁴ Летописец придал этому отказу образ, почерпнутый из Евангелия: «Приведену же бывшу блаженному на судъ, ничьсо же на нь вины не обрѣтающимъ, но бещину попомъ, яко воломъ, рыкающимъ, тако же и игуменомъ; князю же и велможамъ не обрѣтающимъ такыя вины, но изискавшѣ все, нѣсть неправды никоея же, но все лжуть, тогда яко единѣми усты: „Неповинны да будемъ, владыко, — рекуще къ всѣмъ, — еже таку на нь крамолу въздвигнули есте, и неповинни есмы, иже на нь глаголетѣ или что съвѣщаєте како любо безаконно убийство!“ И глаголюще: „Благослови, отче, и прости, Авраамие!“ — и тако отъидоша въ свояси» [Житие Авраамия Смоленского, 1997, 44].

⁵ «посла же юго Андрѣи митрополиту в Къевъ» [Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 356].

сидевшего в городе князя, то и в этом случае очевидно, что суд и расправа могли состояться только при условии получения одобрения со стороны князя⁶. Примечательно, что и двадцатью годами ранее, во время т.н. Климентовой смуты, когда против митр. Климента Смолятича выступил еп. Нифонт, обиженный поведением новгородского святителя Климент не смог добиться суда над строптивым архиереем, поскольку получил отказ со стороны Изяслава Мстиславича⁷.

Наконец, необходимо заметить, источники позволяют говорить, что даже на протяжении начала XI — первой XIV вв. юрисдикция митрополитов и епископов изменялась. И если Константин долгое время оказывался бессилён перед властным еп. Феодором, то уже во второй половине XIII — первой четверти XIV вв. митрополит мог без оглядки на патриарха запрещать и низлагать своих епископов⁸. При этом юрисдикция правящих архиереев, живших в одно и то же время, могла не совпадать и во многом была обусловлена политическими и правовыми традициями земель⁹.

2) При всей категоричности высказанного И. А. Шершневой-Цитильской суждения, относящего императоров Византии и русских князей к мирянам, все же приходится признать, что канонические нормы не рассматривали правителей государств в качестве обычных мирян («лаиков», λαϊκός — из народа). Их положение и права в Церкви всегда оговаривались отдельно. Современная «Православная энциклопедия» действительно определяет мирян как лиц, не принадлежащих к клиру через хиротонию или хиротесию. В этом отношении император в энциклопедической статье, принадлежащей перу прот. В. Цыпина, рассматривается как мирянин¹⁰. Между тем мнение данной статьи не только упрощает ситуацию, но и вступает в противоречие со значительным научным нарративом, совершенно иначе оценивающим фигуру императора, да и любого иного правителя эпохи Средневековья. Более того, она противоречит тому, как таковые власти воспринимались в Церкви их современниками. К тому же именование «лаик», переводимое в русской традиции как «мирянин»,

⁶ Примечательно, что, реконструируя события того суда, В. Н. Татищев приписал жестокий приговор и расправу в отношении Феодора не митрополиту, а князю Глебу, придав расправе инквизиционный характер [Татищев, 1774, 168].

⁷ Об этом сообщают Ипатьевская летопись и Печерский Патерик. Ипатьевская летопись: «Нифонтъ. епѣпи поборникъ всеи Руской земли. быѣ бо ревнивѣ но бжѣтвенѣмъ егоже Климиѣ понуживаше служити съ собою. ѿн же. ему тако молвашеть. нѣси приаель блѣгословленнѣа ѿ сѣби Софѣѣ. и ѿ сѣго великаго сбора. и ѿ патриарха тѣм же не могу с тобою служити. ни въспоминати тебе въ сѣби службѣ но поминаю патриарха. ѿному же мучающюся с ни^а и науающю на нь Изяслава. и своа поборники. не може ему оупсѣти. ничтоже.» [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 484]. Киево-Печерский патерик: «Климу же велми принуажующу его, науающю на нь князя Изяслава и своа поборники, и не възможе ему зла сѣтворити ничтоже.» [Киево-Печерский патерик, 2004, 352].

⁸ В 1282 г. митр. Кириллом за поездку в Орду был наказан ростовский еп. Игнатий, а в 1312 г. митр. Пётр самостоятельно лишил сана сарайского еп. Измаила [Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 525–526; Новгородская летопись, 2000, 253].

⁹ Так, например, если в начале XIII в. киевские митрополиты наконец-то могли контролировать свою епископию и установили свою ставропигию над Киево-Печерским монастырем, не встретив какого-либо возражения со стороны горожан и княжеской власти, то в то же самое время Ростовский епископ Кирилл по настоянию горожан был подвергнут княжескому суду за передачу Дмитрову монастырю части имущества, ранее принадлежавшего кафедре [Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 452].

¹⁰ По мнению прот. В. Цыпина, «[Лаики; греч. λαϊκός — из народа], лица, принадлежащие к Церкви и не входящие при этом в состав духовенства, или клир». Не менее категоричен о. Владислав в отношении императоров и царей: «В Византии и Российской империи исключительно широкие полномочия в церковном управлении принадлежали императору (в России до 1721 — царю). Хотя его статус и обладал известной сакральностью вслед. церковного благословения на царствование, в особенности через обряд миропомазания, император не становился священнослужителем, т.е. оставался мирянином. Занимая ключевое положение в системе церковной власти, император представлял совокупный голос М[ирян], не усваивая себе полномочий епископов и зависящих от них пресвитеров и диаконов» [Цыпин, 2017, 394–396].

кажется, никогда не применялось в отношении императоров. Впрочем, и сами «лаики» в восточно-христианском богословии не противостояли клирикам, поскольку являли собой народ, имеющий «царственное священство»¹¹.

Несомненно, что, подобно первым «библейским» царям Израиля, императоры ромеев порой призывались из народа. Но из народа — или по меньшей мере с его согласия — призываются и к священническому, и к первосвященническому служению. Тем не менее не только служение, но и сама личность императора воспринималась в Византии как сакральная и священная. Данное обстоятельство позволяло василевсам не только участвовать в административно-канонических делах Церкви, влиять на формирование клира и епископата, но и наделяло их правом гарантировать догматическую чистоту и каноническое единство Церкви [Величко, 2006, 20–33, 44–50]. Император участвовал в литургическом служении и имел чин «епистимонарха». Он же утверждал и устанавливал церковные праздники, нередко сочинял песенные каноны, шествовал в малом входе через Царские врата, совершал каждение алтаря, причащался у Престола и благословлял народ дикирием [Лебедев, 1998, 58–60; Величко, 2006, 33–43]. Все перечисленное позволяло императорам Нового Рима разделять с епископами не только место в храме, но и наследие апостольского служения [Дагрон, 2010, гл. IV; Иванов, 2003; Величко, 2006, 33–43]. В описанном плане император, молившийся за народ и говоривший от его имени как посвященный («космик», *διακόσμησις*)¹² через Божественное избрание, а со временем и помазание, уподоблялся царям Израиля¹³. При всей неоднозначности понимания и употребления помазания, данный чин приобрел в определении Патриаршего Синода значение «второго крещения» и хиротесии, позволившей Синоду применить в отношении императора нормы, относившиеся прежде только к епископам. Таким образом, император уподоблялся клирикам, прежде всего епископам [Афанасьев, 1955, 16–17]. Таким образом, император, как и клирики, должен быть отнесен к числу посвященных, т. е. к живущим в миру обладателям харизмы служения Богу, «биотикам» (*βιωτικοί*)¹⁴. Если претензии в среде епископата и возникали, то не к самому институту власти василевсов и его правам в Церкви, а к конкретным носителям этой харизматической власти. Император не был ни «лаиком», ни «клириком». Он был императором.

Отмеченная неразделенность власти императоров и Церкви в лице патриарха и епископата нашла свое отражение в преамбуле VI Новеллы Юстиниана. Однако одновременно с этим в Византии присутствовало «религиозно-сакральное отделение посвященных от мирян». Первые следы отмеченного отношения населения к синклиту и клиру обнаруживаются уже в IV в. Конечно, можно согласиться с тем, что «идея посвящения есть продукт богословской спекуляции, а не церковной традиции»¹⁵. Тем не менее для большинства богословски образованных между «царственным священством народа Божьего» и клириками, совершающими предстояние, присутствует различие. Оно заключается в том, что вторые имеют посвящение, а первые — нет [Афанасьев, 1955, 14–15]. И в этой оппозиции император был на стороне посвященных. При этом его харизма могла присутствовать уже в акте рождения не только «от кровей» императоров, но и в «порфиородном» зале. В дальнейшем она подтверждалась в акте избрания армией, народом и сенатом.

Несомненно, положение царя и князя в домонгольский период в византийской иерархии правителей было несопоставимым. Здесь, при дворе василевсов, правители Руси в своем подавляющем большинстве были наделены невысокими титулами архонтов. Если в отношении русских князей домонгольской эпохи и применяли именованные «царь», «самодержец» и другие относящиеся к титулам императоров именованию

¹¹ См. работу прот. Николая Афанасьева «Служение мирян в Церкви» [Афанасьев, 1955].

¹² О «космиках» см. у прот. Николая Афанасьева: [Афанасьев, 1955, 15].

¹³ См. наблюдения Б. А. Успенского о харизме царя в Византии и на Руси: [Успенский, 1998, 14–24].

¹⁴ О «биотиках» см. у прот. Н. Афанасьева: [Афанасьев, 1955, 16].

¹⁵ См. мнение прот. Николая о посвящении: [Афанасьев, 1955, 18].

и эпитеты, то исключительно лишь во внутреннем «обиходе». Научные дискуссии вокруг царского достоинства русских князей домонгольского периода возникают только вокруг титула князя Владимира Святославича¹⁶. Однако как бы ни был низок статус правителей Руси при императорском дворе, последнее не мешало воспроизводить в стольных городах и при дворах правителей русских земель архитектурные и книжные конструкторы, а также церемониал, призванные уподобить правителей Руси святым царям Израиля и Константинополя¹⁷. И, судя по всему, Империя не видела в подобном копировании ничего, что бы хоть как-то умаляло статус Нового Рима и его правителей. Правда, при этом она всячески «оберегала» правителей варваров от передачи им каких-либо символов своего благоволения, которые бы интерпретировались как передача инсигний власти¹⁸. Но даже в этом случае вновь возникает оправданный вопрос: насколько оправданно и верно видеть в князе или в представителе княжеского рода мирянина? Был ли князь «мирянником»?

Князь не был клириком, но и не был он «мирянником» как таковым. Примечательно, что если в императорских и королевских семьях Византии и Европы в ряду монархов встречаются священнослужители, чаще всего епископы, то в древнерусской традиции домонгольского периода не известно ни одного случая принятия князем священнического сана. Нельзя не отметить и то, что взгляд на фигуру князя как на мирянина слишком формален и является лишь модернизацией непростого, с позиции современности, положения носителей харизмы правления. В определенном смысле здесь правовой подход обязан учитывать культурный и религиозный контекст эпохи, в которой присутствовало осознание мистической и харизматической природы высшей власти, влиявшей на ее обладателей или даже причастных к ней.

В отношении правителей Средневековье не знало разделения сакральных, в том числе властных, функций и личности. Лишение княжества или даже священного сана не лишало человека связи с его прежним статусом, оставляя в восприятии современников неизгладимую печать на личности наказанного. В домонгольскую эпоху суд над князем не мог быть совершен лицами не княжеского происхождения. Попытка князя Владимира Мономаха совершить суд над князем Олегом Святославичем завершилась насмешливой отповедью Олега, поставившего архиереев и монахов в один ряд со смердами: «С҃ле҃гъ же оусприемъ смысль буи. и словеса величава. ре^ч сице. нѣ^б лѣпо судити еп^спомъ и чернѣемъ или смердомъ» [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 220].

В то время как в XI–XIII вв. судебная власть князя была огромной, судебная власть митрополита оставалась существенно ограниченной даже в отношении «мужей»,

¹⁶ В данном отношении примечательным видится анализ высказанных в историографии мнений, предложенный А. А. Роменским, см.: [Роменский, 2020, 249–261].

¹⁷ В данном отношении показательны похвалы в адрес Владимира Святославича и Ярослава Мудрого в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона, в похвалах летописца и мниха Иакова и в иконописных и резных образах Киевской Софии и храмов Владимира [Слово о законе и благодати, 2010, 188–190; Память и похвала Иакова мниха, 2010, 283–286; Похвала княгине Ольге, 2010, 289; Ипатьевская летопись, 2001, стб. 138–140; Степаненко, 2013, 169–177; Гладкая, 2021].

¹⁸ Император Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» крайне категорично и вполне определенно высказался против передачи правителям славян каких-либо символов власти [Константин Багрянородный, 1991, 56–58]. Конечно, время и политические обстоятельства, которые далеко не всегда благоволили императорам Константинополя, толкали Византию на уступки и нарушение высказанного Константином запрета. Впрочем, высказанная императором воля не был законом. Скорее, это был принцип. В отмеченном ракурсе мнение императора необходимо рассматривать как общий взгляд ромеев VIII–XII вв. на варваров и их претензии на византийское наследство. И все же время вносило свои коррективы, вынуждая ромеев мириться с появлением не только императоров в Западной Европе, но и царей и патриархов в Болгарии. Однако всякий раз, когда у Царьграда появлялась возможность вернуть вырванные из его рук инсигнии власти и титулы, он непременно пользовался возможностью исправить совершенное прежде.

наказание которых в домонгольский период оставалось прерогативой князя¹⁹. Архиереи сами могли оказываться перед судом князя, князь же перед судом архиереев в условиях XI–XIV в. — никогда. Если митрополичья власть и распространялась на представителей знати, то право наказания («казни») принадлежало князю, митрополиту же надлежало довольствоваться получением штрафа²⁰. Архиереем оставалось довольствоваться властью накладывать наказания исключительно на женщин в случае совершения ими блуда [Устав князя Ярослава, 1976, 87 (2, 3)]. Если проступок, подлежавший митрополичьему суду, совершался мужем, то наказание налагал князь. Митрополит же довольствовался получением выплаты штрафа. Примечательно еще одно обстоятельство. В перечисленных в Уставе подсудных митрополиту делах никак не оговариваются преступления, которые могли быть связаны с князьями и членами их семей.

Показательно, что над русскими князьями не совершалось помазание. Однако, как обратили внимание И. Я. Фроянов и Д. М. Котышев, со второй половины XI в., а точнее с 1068 г., появляется практика «посажения» на киевский стол [Фроянов, 2001, 853–872; Котышев, 2019, 132]. Отметим, что положение князей в храмовом пространстве также было особым, как при их жизни (размещение на полатах), так и по смерти (погребение в соответствии с имперскими традициями) [Самойлова, 2006, 579–602].

3) Наконец, имел ли древнерусский архиерей XI–XIII вв. власть над князем или княжескими людьми? Несомненно, архипастырский долг обязывал святителей при защите Церкви и ее истин не взирая на лица. Но, во-первых, насколько многочисленны примеры подобной ревности? А во-вторых, имел ли архиерей право судить князя?

Несомненно, древнерусские источники позволяют обнаружить двух митрополитов (Николая и Михаила) и нескольких епископов, которые проявляли архипастырскую ревность в улаживании городских междоусобиц и войн. Но предпринимали ли они в рассматриваемую эпоху какие-либо меры церковного взыскания к князьям, когда те сами или же их люди совершали преступления? Митрополит Михаил мог наложить интердикт на город (Новгород), но не на вступивших в противостояние князей. Всякий раз, когда, казалось бы, святительское слово должно было возвыситься, а праведный гнев воплотиться в каких-либо поступках, архиереи молчали, если дело касалось князя. Больше, что мог позволить себе святитель в отношении князя, — вызвать к христианскому чувству правителя либо пригрозить наказанием собственному

¹⁹ При обращении к нормам Устава Ярослава приходится все же отметить некоторую размытость категории «муж». Несомненно, это христианин мужского пола, однако о том, кто это: горожанин, находящийся в браке, или представитель «лучшего» слоя, видно только в контексте конкретных статей. Тем не менее создается впечатление, что нормы Устава, подобно целому ряду статей Русской Правды, написаны прежде всего из опыта жизни высших христианизированных слоев древнерусского населения. Все же насилие в отношении боярской дочери мог совершить преимущественно человек высокого социального положения. Аналогичными видятся выводы и в отношении иных статей.

²⁰ Судя по всему, перечисленные Ярославом права митрополита адресовались представителям знати. Именно они составляли основу христианской общины Руси. В итоге показательны уже первые две статьи этого памятника древнерусского права:

«[2] Аще кто оумчит девку или насилит: аще боярская дочи будет, за сором ея 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата; аще будет менших боярь, гривна злата ей, а митрополиту гривна злата; а добрых людей будет, за сором ей рубль, а митрополиту рубль; на оумцех — по 7 митрополиту, а князь их казнит.

[3] Аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата; а меньших бояр — гривна злата, а митрополиту — гривна злата; нарочитых люди — 2 рубля; простыи чади — 12 гривен коун, а митрополиту 12 гривен, а митрополиту 15 гривен, а князь казнитель».

В Уставе категория мужей размыта. Под нею могут пониматься как женатые мужчины, так и представители знати. О том, что речь идет не об обычных насильниках, а о представителях наиболее состоятельной части общества, можно судить и по потерпевшим, и по форме взыскания. Очевидным видится лишь то, что князь не представил митрополиту и епископам прав над своими мужами, ограничившись тем, что за совершенное те обязаны были заплатить в святительскую казну [Устав князя Ярослава, 1976, 86 (2, 3)].

духовенству, если оно пойдет князю на уступку, как это было в приведенном выше случае конфликта между свт. Нифонтом и князем Святославом Ольговичем.

Впрочем, история как будто бы сохранила четыре примера, позволяющих говорить о возможном распространении юрисдикции архиереев и на представителей княжеского рода. Во-первых, это попытка князей Святополка Изяславича и Владимира Всеволодовича Мономаха организовать суд над Олегом Святославичем и привлечь к участию в этом суде епископов [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 220]. Во-вторых, это проклятие, наложенное митр. Константином на князя Изяслава Мстиславича. Все эти примеры использованы И. А. Шершневой-Цитульской в ее работе. Однако в копилку доказательств могут быть положены еще два известия. Прежде всего это одна из норм Устава князя Всеволода, распространившего власть новгородского архиерея на осиротевшего князя: «А се четвертое изгоиство и себе приложимъ. аще кн(я)зь осиротееть» [Устав князя Всеволода, 1976, 157 (17); Пестерев, 2013, 206–214]. Помимо нее — летописное известие 1278 г. о ревности еп. Игнатия, велевшего изъять из храма тело князя Глеба Васильковича и перезахоронить того вне церкви в земле [Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 525–526].

При всей кажущейся убедительности ни один из доводов не служит в пользу того, что князья оказывались в юрисдикции митрополита. Так, суд над князем Олегом не состоялся, а епископат в качестве судей был с насмешкой отвергнут самим черниговским князем, о чем уже упоминалось выше. Проклятие митр. Константина было адресовано уже почившему князю и в итоге стоило первосвятителю киевской кафедры [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 503]. К тому же дальнейшие события показали, что Константинополь неодобрительно отнесся к словам Константина, как, собственно, ничто не указывает на то, что это проклятие получило официальный статус анафемы. Однако то, что слова митрополита глубоко оскорбили семью Изяслава, не вызывает сомнения. Норма Устава князя Всеволода также далеко неоднозначна. Она явно указывает на него самого и подчеркивает его личное благочестие. Однако она не указывает, что эта норма распространялась на иных князей Новгорода и тем более Руси. Наконец, крайне неприятная история перезахоронения князя по воле еп. Игнатия также завершилась вмешательством митрополита. Вместе с тем это время усиления независимости епископата от княжеской власти, что стало возможно благодаря ханским ярлыкам. Однако упомянутое событие, как показало исследование А. В. Лаушкина, оказалось сложнее. Вероятно, за крайне оскорбительным поведением епископа скрылась личность князя Дмитрия Борисовича, находившегося в конфликте с почившим князем. Скорее всего, произошедшее стало возможно только потому, что это была месть Дмитрия Борисовича своему более успешному родственнику [Лаушкин, 2022, 6–14].

Таким образом, при прикосновении к проблеме церковной юрисдикции в Древней Руси приходится учитывать не только сообщения каноническо-правовых источников, но и историко-культурный и политический контекст эпохи. Конечно, епископат обладал широким кругом прав и обязанностей. Его юрисдикция была значительной, но необходимо все же отметить, что в историографии до сих пор не проведено комплексное сопоставление прав и возможностей епископов на Руси и в Византии. Тем не менее вполне уверенно можно говорить о том, что категория «юрисдикция» в отношении епископата Древней Руси предполагает значительно более широкий круг прав, чем традиционно принято считать. В этих условиях юрисдикция архиерейской власти на протяжении XI — начала XIV вв. не распространялась на представителей княжеского рода. Князь, подобно иным правителям его времени, не был ни клириком, ни мирянином. Он был правителем, наделенным харизмой власти. Его права над церковными институтами видятся значительными и не уступающими по объему святительской власти. Он сам (в домонгольский период) устанавливал границы юрисдикции архиереев. Что же касается объема и границ церковной юрисдикции, то они постоянно претерпевали изменения, были обусловлены не только политическими обстоятельствами

времени, канонической ситуацией на Руси, но и «региональными» влияниями. Впрочем, все высказанное выше — лишь небольшие наброски к сложнейшей проблеме, обозначенной в работе И. А. Шершневой-Цитульской.

Источники и литература

Источники

1. Житие Авраамия Смоленского (1997) — Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5 / Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН; под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. М.: Наука, 1997. С. 30–65.
2. Киево-Печерский патерик (2004) — Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296–489, 641–667.
3. Константин Багрянородный (1991) — *Константин Багрянородный*. Об управлении империей: [Греч.] текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; [Введ. Г. Г. Литаврина; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ин-т славяноведения и балканистики]. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. 493, [3] с.
4. Память и похвала Иакова мниха (2010) — Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. И. Н. Данилевский. Т. 1: Домонгольский период. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 282–288.
5. Похвала княгине Ольге (2010) — Похвала княгине Ольге // Памятники общественной мысли Древней Руси / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. И. Н. Данилевский. Т. 1: Домонгольский период. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 288–290.
6. Лаврентьевская летопись (2001) — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. А–N, VIII, 733 с.
7. Ипатьевская летопись (2001) — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. XVI, 938, L, [14] с.
8. Новгородская четвертая летопись (2000) — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки славянской культуры, 2000. 728 с.
9. Слово о Законе и Благодати (2010) — Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. И. Н. Данилевский. Т. 1: Домонгольский период. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 174–190.
10. Татищев (1774) — *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная Покойным Тайным Советником и Астраханским Губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. М.: Печатана при Императорском Московском Университете, 1774. Кн. 3. [4], 530 с.
11. Устав князя Всеволода (1976) — Устав князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Отв. ред. акад. Л. В. Черепнин; изд. подгот. Я. Н. Щапов; АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1976. С. 153–158.
12. Устав князя Владимира (1976) — Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных [Оленинская редакция. Архангельский извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Отв. ред. акад. Л. В. Черепнин; изд. подгот. Я. Н. Щапов; АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1976. С. 13–16.
13. Устав князя Ярослава (1976) — Устав князя Ярослава о церковных судах [Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Отв. ред. акад. Л. В. Черепнин; изд. подгот. Я. Н. Щапов; АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1976. С. 85–91.

Литература

14. Афанасьев (1955) — *Афанасьев Н., прот.* Служение мирян в Церкви. Париж: Религиоз-пед. каб. при Православ. богосл. ин-те в Париже, 1955. 78, [1] с.
15. Большая советская энциклопедия (1978) — Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 30: Экслибрис — Яя. М.: Советская энциклопедия, 1978. 632 с.
16. Большой юридический словарь (2000) — Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2000. 704 с.
17. Величко (2006) — *Величко А. М.* Церковь и император в византийской и русской исто-рии: (ист.-правовые очерки). СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2006. 236 с.
18. Гайденко (2022) — *Гайденко П. И.* «Митрополичья неправда» двух Константинов: можно ли ожидать справедливости от церковных судов на Руси? // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 148–161.
19. Гаранова (2007) — *Гаранова Е. П.* Церковное право и российская правовая система. Кострома: Костромской гос. технологический ун-т, 2007. 270 с.;
20. Гаранова (2004) — *Гаранова Е. П.* Церковное право в правовой системе российского общества: (общетеоретический и исторический аспекты): Дис. ... канд. юр. наук: специаль-ность 12.00.01 / Костромской государственной технологической университет. Кострома, 2004. 241 с.
21. Гаращенко (2007) — *Гаращенко А. Ю.* Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровской России / Невинномысский ин-т экономики, упр. и права. Невинномысск: НИЭУП, 2007. 173 с.
22. Гаращенко (2006) — *Гаращенко А. Ю.* Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Волгоград, 2006. 181 с.
23. Георгиевский (2007) — *Георгиевский Э. В.* Уголовно-правовая юриспруденция Русской православной церкви: монография / Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Ир-кутский гос. ун-т», Юридический ин-т. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2007. 259 с.
24. Гладкая (2021) — *Гладкая М. С.* Символика и иконография изображений белокамен-ной резьбы Дмитриевского собора во Владимире (композиции, сюжеты, отдельные образы и мотивы). Владимир: Владимирская областная научная библиотека, 2021. 236 с.
25. Голубинский (1997) — *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Кн. 16: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1997. XXIV, 968 с. [Репр. изд.]
26. Дагрон (2010) — *Дагрон Ж.* Император и священник: этюд о византийском «цезарепа-пизме» / Пер. и науч. ред. А. Е. Мусина. СПб., 2010. 480 с.
27. Иванов (2003) — *Иванов С. А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? / Рос. Акад. наук. Ин-т славяноведения. М.: Языки славянской культуры, 2003. 375 с.
28. Кашепов (2017) — *Кашепов В. П.* Юрисдикция // Новая российская энциклопедия / Гл. ред. В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов. М.: Энциклопедия, 2017. Т. 19 (1). С. 340.
29. Котышев (2019) — *Котышев Д. М.* От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье. IX–XII вв. М.: Центрполиграф, 2019. 254 с.
30. Лаушкин (2022) — *Лаушкин А. В.* Малоизученный эпизод Ростовского летописания второй половины XIII века // История и культура Ростовской земли. Материалы научной конференции 2021 г. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2022. С. 6–14.
31. Лебедев (1998) — *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках: От конца иконоборческих споров в 842 г. до начала Крестовых походов — 1096 г. / Предисл., науч. ред., справ. материалы и имен. указ. М. А. Морозова. СПб.: Алетейя, 1998. 306, [1] с.
32. Павлов (2002) — *Павлов А. С.* Курс церковного права заслуженного профессора Импе-раторского Московского университета А. С. Павлова, читанный в 1900–1902 г. / МВД России

С.-Петербург. ун-т, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности; [отв. ред.: Сальников В. П., Сандулов Ю. А.]. СПб.: Лань [и др.], 2002. 384 с.

33. Пестерев (2013) — *Пестерев В. В.* «А се четвертое изгоиство и себе приложим...» в Уставе князя Всеволода // Новгородика-2012. У истоков российской государственности: материалы IV междунар. науч. конф. 24–26 сентября 2012 г. Ч. 1 / Сост. Д. Б. Терешкина и др.; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2013. С. 206–214.

34. Роменский (2020) — *Роменский А. А.* Империя ромеев и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X — начала XI в. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. 384 с.

35. Рубаник (2013) — *Рубаник В. Е.* Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк. М.: Юрлитинформ, 2013. 352 с.

36. Самойлова (2006) — *Самойлова Т. Е.* Священное пространство княжеского гроба // Иеротропия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 579–602.

37. Смыкалин (2017) — *Смыкалин А. С.* Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI–XXI вв.): Уч. пособие. М.: Проспект; Екатеринбург, Издательский дом Уральского гос. юридического ун-та, 2017. 400 с.

38. Степаненко (2013) — *Степаненко В. П.* К реконструкции ктигорской композиции Софии Киевской // Античная древность и средние века. Екатеринбург: УрФУ, 2013. Вып. 41. С. 169–177.

39. Соловьев (б. г.) — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 6 кн.: в 29 т. СПб.: Общественная польза, б. г. Кн. 1. Т. 1–5. 879 с.

40. Суворов (2004) — *Суворов Н. С.* Учебник церковного права / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. XXII, 477 с.

41. Успенский (1998) — *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры, 1998. 676 с.

42. Федотов (1990) — *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси / Предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня; коммент. С. С. Бычкова. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.

43. Фроянов (2001) — *Фроянов И. Я.* Политический переворот 1068 г. в Киеве // *Фроянов И. Я.* Начала русской истории. М.: Издательский дом «Парад», 2001. С. 853–872.

44. Цыпин (2012) — *Цыпин В., прот.* Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского м-ря, 2012. 864 с.

45. Цыпин (2017) — *Цыпин В., прот.* Миряне // Православная энциклопедия. М, 2017. Т. 45. С. 394–396.

46. Шершнева-Цитиульская (2022) — *Шершнева-Цитиульская И. А.* К вопросу о церковной юрисдикции над русскими князьями в контексте русско-византийских отношений (XI — середина XV вв.) // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 182–194.

47. Шапов (1972) — *Шапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 338, 2 с.

48. Шапов (1989) — *Шапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. / ИИ СССР АН СССР; отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. 232 с.